

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

выпуск
28 (91)

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

Слово *ylđ* даже в переносном значении не может переводиться «to multiply» (р. 124), оно означает только «рожать». Соответственно формула *wbrbm yld* (КА1, 26) означает не «and may they greatly multiply», а «пусть они много рожают». Под *YLD II* (р. 124) автор также не понял читаемого текста. Формулу *'zrb'l hyld šhrb'l b'n šqln* следует переводить не «'ZRB'L the youth(?) (and) ŠHRB'L son of ŠQLN», а «АзруБа'ал отрок ШахарБа'ала сына Шаклана».

Все сказанное оцугито снижает ценность рассматриваемого труда и дает основания пожелать, чтобы при переиздании автор его существенно доработал.

И. Ш. Шифман.

М. И. Рижский. *История переводов Библии в России.* Новосибирск, 1978, 208 с.

Как справедливо указано в редакторской аннотации, книга «посвящена вопросу, очень слабо освещенному в советской научно-атеистической литературе». Старые работы, а именно «Очерки по истории славянского перевода Библии» И. Е. Евсеева, вышедшие небольшим тиражом в 1916 г., охватывают период XV—XVI вв., книга И. А. Чистовича «История перевода Библии на русский язык» (издания 1873 и 1899 гг.) касается в основном событий XIX в. Не случайно в объемистой трехтомной «The Cambridge history of the Bible» (1963—1970) славянскому и русскому текстам не уделено ни строки. Таким образом, появление рецензируемой работы не может пройти незамеченным.

Прежде чем излагать историю переводов Библии в России, автор касается во введении двух вопросов: «Древние версии и переводы Библии (Септуагинта и Вульгата)» и «Кирилло-Мефодиевская славянская Библия». Указав на недостоверность сведений о том, что греческая версия Ветхого завета — Септуагинта — появилась в результате деятельности 72-х толковников, «прибывших из Иерусалима (куда?)», автор не считает нужным упомянуть ни старые известные на этот счет в науке мнения,¹ ни сообщить о их новом пересмотре в последние десятилетия. Мы имеем в виду прежде всего «теорию таргума» П. Кале, выдвинутую впервые еще в 1915 г. Согласно Кале, древнееврейский текст переводился на греческий язык постепенно, по частям и неоднократно в ходе богослужебного использования Ветхого завета иудеями Александрии по мере их эллинизации и забвения древнееврейского языка.² Что касается трех редакций Септуагинты — Лукиана, Исихия и Оригена, — с которыми имела дело дореволюционная русская библистика и о которых в книге М. И. Рижского неоднократно упоминается (с. 12, 21, 22), то в настоящее время их существование подвергнуто самому серьезному сомнению.

Историческое свидетельство о существовании этих редакций оставлено блаж. Иеронимом, создателем Вульгаты, в предисловии к переводу кн. Паралипоменон. В XVIII в. оно было принято во внимание в работах И. Землера (1764) и особенно И. Грисбаха (1774—1777), в XIX в. положено в основу исторической школы библистики П. де Лагарда. Удар по гипотезе о Лукиановской редакции Септуагинты нанес Д. Бартеlemi, обративший внимание на то, что так называемые «лукиановские чтения» встречаются уже в кумранских источниках, в частности в рукописи середины I в. н. э., содержащей отрывки XII малых пророков.³ Таким образом, «лукиановские чтения» оказываются старше исторического Лукиана (умер в 312 г.) на два-три столетия. Некоторые исследователи Септуагинты, впрочем, принимают выводы Бартеlemi лишь отчасти, выделяя «протолукиановские чтения» и редакцию Лукиана, изменившие греческий текст в одном и том же направлении: приближении его к древнееврей-

¹ Критику подложного свидетельства Аристеев о работе 72-х толковников и изложение более основательной научной теории см.: Корсунок и И. Перевод LXX: Его значение в истории греческого языка и словесности. Сергиева Лавра, 1897, с. 28—70.

² Kahle P. E. The Cairo Geniza. London, 1949, p. 132—179.

³ Barthélemy D. Les devanciers d'Aquila. Leiden, 1963. Ср. также: Тексты Кумрана / Пер. с древнеевр. и арамейского, введение и коммент. И. Д. Амузина. М., 1971, вып. 1, с. 417—418; Jelliss S. Septuagint studies in the current century.— Journal of Biblical Literature, v. 88 (1969), p. 191—199.

скому оригиналу, введении вариантных чтений и аттицизации языка в противоположность эллинистическим формам древнего текста.⁴ Однако даже представители Геттингенской академии, занимающиеся со времени П. де Лагарда реконструкцией Лукриановской редакции, не всегда способны указать черты этой редакции в отдельных библейских книгах.⁵ Сложную и, как кажется, перспективную синтетическую теорию происхождения библейского текста, в частности Септуагинты, выдвинул в недавние годы в свете кумранских находок Фр. М. Кросс-младший.⁶

Между тем для новозаветной части Библии отсутствуют прямые исторические свидетельства о существовании этих трех редакций. Наибольшим авторитетом в настоящее время пользуется текстологическая теория Горта—Весткотта, согласно которой в древнейший период существования текста он распался на три вида: «нейтральный» (представленный полнее всего Ватиканским кодексом IV в.), «александрийский» (отмечаемый в цитатах из Евангелия у отцов церкви, писавших в Египте) и «западный» (представленный в цитатах как у восточных отцов церкви, так и у тех, кто писал в Италии, полнее всего этот тип текста выдержан в кодексе Безы V—VI в.). С конца IV в. в Антиохии и Константинополе возникает новый тип — «сирийский», получивший со временем господствующее преобладание и напечатанный в 1516 г. Еразмом Роттердамским.⁷ Дальнейшая разработка этой теории привела к выделению «кесарийского» типа текста, которым пользовались в III в. Евсевий и Ориген.⁸ Попытка Г. фон Зодена связать разные типы евангельского текста с именами Исихия и Лукриана успеха не имела.⁹ Славянский перевод Кирилла и Мефодия, выполненный в конце IX в., в новозаветной части естественно опирался на тот текст, который находился в это время в употреблении Константинопольского патриархата, и не может быть связан непосредственно или даже опосредованным путем с предполагаемой деятельностью Лукриана.¹⁰

Далее М. И. Рижский упоминает о двух латинских версиях Библии: о *Vetus Latina* (само это принятое в науке название не приводится), переведенной с греческого оригинала в начале нашей эры, и Вульгате, созданной в IV в. блаж. Иеронимом в Палестине (с. 12—14). Оба перевода долгое время находились в употреблении католической церкви, причем влияние первого из них обнаруживается в славянских библейских текстах у хорват-католиков.¹¹ Тридентский собор в 1546 г. признал единственно достоверным печатный текст Вульгаты.

Во втором разделе введения сообщаются сведения о переводческой деятельности Кирилла и Мефодия: о их совместном переводе служебного Евангелия и Апостола, Псалтири и Паримийника, о последующем переводе Мефодием остальной части Библии, за исключением Маккавейских книг. Представляется, что этот раздел много выиграл бы от включения сведений о Симеоновской эпохе

⁴ См.: Brock S. P. *Lucian redivivus: Some reflections on Barthelemy's «Les devanciers d'Aquila»*. — In: *Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur*. Berlin, 1968, Bd 103, S. 176—181; Tov E. *Lucian and Proto-Lucian: Toward a new solution of the problem*. — *Revue biblique*, v. 79 (1972), p. 101—113.

⁵ См.: Wevers J. W. *Text history of the Greek Genesis*. Göttingen, 1974, p. 158—175. Cross Fr. M. 1) *The history of the Biblical text in the light of discoveries in the Judean Desert*. — *Harvard Theological Review*, v. 57 (1964), p. 281—299; 2) *The evolution of the theory of the local texts*. — In: *Qumran and the history of the Biblical text* / Ed. by Fr. M. Cross and Sh. Talmon. Harvard University Press, London, 1976, p. 306—320.

⁷ Westcott B. F. and Hort F. J. A. *The New Testament in the original greek*. Cambridge; London, 1881. Introduction.

⁸ Streeter B. H. *The four Gospels*. London, 1924; Lake K., Blake R. P., New S. *The Caesarian text of the Gospel of Mark*. — *Harvard Theological Review*, v. 21 (1928), p. 207—404; Lake S. *Family II and the codex Alexandrinus*. London, 1937.

⁹ Soden H. F., von. *Schriften des Neuen Testaments*. Berlin, 1902—1910. См. также: Kenyon F. G. 1) *Handbook to the textual criticism of the New Testament*. London, 1912 (2 ed.); 2) *Recent developments in the textual criticism of the Greek Bible*. London, 1933.

¹⁰ Этот вывод с полной определенностью был сформулирован в отечественной традиции еще в конце прошлого века, см.: Муретов М. *Древнеславянское евангелие от Марка / Поправки, дополнения и замечания к трудам проф. Г. А. Воскресенского*. Сергиев Посад, 1897, с. 44—45.

¹¹ См.: Ham J. *Starohrvatski prijevod Pjesme nad pjesmama*. — *Slovo*, 1957, № 6/8, p. 195—230.

X в. в Болгарии, к переводческой деятельности которой во всяком случае восходят почти все пророческие книги с толкованиями, попавшие потом в этом переводе в Геннадиевскую библию 1499 г., возможно также Пятикнижие, кн. Иисуса Навина, Судей, Руфь, Иова.¹² Можно было бы также указать на своеобразную особенность древнейших евангельских кодексов: почти все они так или иначе подвергались исправлениям по греческим образцам, таким образом, доработка первоначальных переводов продолжалась на славянском юге в течение нескольких последующих столетий. В результате возник новый тип евангельского текста, выделенный Г. А. Воскресенским в четвертую редакцию,¹³ древнейшим датированным представителем которой является Константинопольское евангелие 1383 г., к которому очень близок текст Евангелия в Геннадиевской библии.

Первая часть книги, озаглавленная «Славянская Библия на Руси», делится на ряд разделов. Первый из них посвящен ранним переводам X—XIV вв. (с. 23—47), но фактически содержит лишь сведения о распространении письменности и некоторых обстоятельствах церковного просвещения, а также анализ нескольких мест текста, содержащих неясные или ошибочные чтения. Между тем кое-что о переводах этого времени у восточных славян нам известно: во-первых, в Киевской Руси было осуществлено перевод кн. Есфирь¹⁴ и Песни песней с древнееврейского оригинала;¹⁵ во-вторых, вероятно, тогда же было переведено несколько апокрифов, в частности апокриф о Енохе¹⁶ (заметим, что канонические и апокрифические тексты в ту эпоху иногда недостаточно четко различались). К этому пока скромному списку можно, вероятно, добавить также перевод Песни песней с толкованиями Филона Карпафийского, толкования на послания апостола Павла по списку 1220 г.,¹⁷ перевод Притчей Соломоновых с Вульгаты.¹⁸ В связи с этим следовало бы учесть мнение К. И. Невоструева, поддержанное позже Г. А. Воскресенским и Л. П. Жуковской, о том, что в XII в. восточные славяне выработали свой тип полного Евангелия-апакос, представленный, в частности, Мстиславовым евангелием.¹⁹ Учтявая небольшой объем известных пока восточнославянских переводов, не следовало бы пренебрегать всеми доступными в этой области сведениями.

В следующем разделе рассматривается Геннадиевская библия 1499 г. (с. 47—65). Здесь после рассказа о церковном расколе XI в. на западный католицизм и восточное православие, о распространении в XV в. ересей на северо-западе Руси сообщается о предпринятом новгородским архиепископом Геннадием первом составлении полного кодекса библейских книг. В этой работе образцом послужила печатная Вульгата, которая определила состав Геннадиевской библии: книги, отсутствовавшие в славянских переводах с греческого, были заново переведены с латинского оригинала (I—II Паралипоменон, I—III Ездры, Неемии, Товит, Иудифь, Премудростей Соломона,²⁰ I—II Маккавейские, части

¹² Евсеев И. Е. Геннадиевская библия 1499 г. М., 1914, с. 5.

¹³ Воскресенский Г. А. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка. М., 1896, с. 292 и сл.

¹⁴ Мещерский Н. А. 1) К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода. — Учен. зап. Карело-Финского пед. ин-та, 1956, т. 2, вып. 1; 2) Издание текста древнерусского перевода книги Есфирь. — *Dissertationes slavicae* (Szeged), 1978, 13; 3) Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков. Л., 1978, с. 47.

¹⁵ Алексеев А. А. «Песнь песней» по русскому списку XVI в. в переводе с древнееврейского оригинала. — Палест. сборник, 1981, вып. 27 (90).

¹⁶ Мещерский Н. А. К истории текста славянской книги Еноха. — Визант. вестник, 1964, т. 24.

¹⁷ Соболевский А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода. — В кн.: Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 177.

¹⁸ Altbauer M. Ze studiów nad przekładami wschodniosłowiańskimi Biblii (O dwóch przekładach biblijnego akrostichu o zacnej niewieście). — *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. Warszawa, 1967, VII.

¹⁹ См.: Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976, с. 112—121.

²⁰ В почти современном и независимом от Геннадиевской библии своде библейских книг, предпринятом в Супрасльском монастыре в 1505—1507 гг. Мафеем Десятым, книга Премудростей была извлечена из Паримийника, где содержалась примерно в 1/4 своего полного

книг Есфирь, Иеремии, Пезекиля). В изложении истории создания Геннадиевской библии автор принимает точку зрения И. Е. Евсева о том, что использование Вульгаты свидетельствует об успехе католической пропаганды на территории Московской Руси. Этот свой взгляд, возможно несвободный от полемической антикатолической предвзятости, Евсев основывал, в частности, на примерах приведения старых переводов с греческого оригинала в согласие с чтениями Вульгаты в объеме кн. Екклесиаст.²¹ Более тщательное исследование текста показало, что данные Евсева в этой своей части недостоверны.²² Создание Геннадиевской библии было частной инициативой архиепископа Геннадия, не направленной на церковное переустройство. Ни церковь как религиозная организация, ни сами верующие не испытывали нужды в том, чтобы библейские книги были представлены сполна в одном единственном кодексе. Традиционно, еще со времени существования Ветхого завета на иудейской почве, Библия распадалась на ряд более или менее обширных разделов. Только после перехода на письмо от свитка к кодексу (не ранее II в. н. э.) появилась техническая возможность объединять в составе одной рукописи несколько книг или даже все книги вместе. Новый завет у греков и славян мог также разделяться на функционирующие раздельно части: Четвероевангелие, Апостол, Апокалипсис. Создание полного библейского кодекса могло иметь, таким образом, богословско-догматические цели, для которых использование Вульгаты в качестве образца не должно было быть особенно опасным.

Как известно, многочисленные sprawy Нового завета, осуществлявшиеся на славянском юге (возможно, в Константинополе и на Афоне) в X—XV вв., завершились так называемым «Новым заветом святителя Алексея», известным в трех рукописях XIV в.²³ По объему языковой правки, которой подвергся в этом случае традиционный церковнославянский текст, эта работа приближается к самостоятельному переводу всего греческого оригинала.²⁴ В книге М. И. Рижского между тем мы находим лишь одно упоминание об этом тексте, помещенное при этом без каких-либо оснований в раздел «Переводы Библии на русский язык» (с. 126—127). К сожалению, полным молчанием обойдены переводы конца XV—начала XVI в. отдельных библейских книг, выполненные в эпоху ереси «жидовствующих» в основном с древнееврейских оригиналов и вошедшие в широко известный Виленский сборник XVI в. (Библиотека АН Литовской ССР, F-19—262). Ряд текстов этого богатого сборника уже подвергся изучению и частичной публикации:²⁵ книги Иова и Песнь песней, Руфь, Есфирь, Плач Иеремии, книга Даниила, Притчей Соломоновых, причем кое-где из-под переводов конца XV—начала XVI в. проглядывают следы более древних славянских оригиналов.²⁶ В это же время в пределах юго-западной Руси была проведена правка традиционного славянского текста Пятикнижия по древне-

объема. См.: Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 г. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978, с. 70.

²¹ Евсев И. Е. Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916, с. 17—19.

²² Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 г., с. 70—71. — Другая попытка, предпринятая в 1972 г. Г. Фрейдхофом, доказать зависимость евангельского текста в Геннадиевской библии от католических текстов также оказалась несостоятельной. См.: Алексеев А. Александр Васильевич Горский. — Старобългаристика, т. 3 (1979), № 4, с. 41.

²³ Воскресенский Г. А. Характеристические черты. . . , с. 48—56.

²⁴ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, с. 26—31.

²⁵ Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888, приложение; Перетц В. Н. 1) Книга Руфь в белорусском переводе XV века. 1908; 2) Новые труды о «жидовствующих» XV в. и их литературе. Киев, 1908; 3) До історії перекладу Біблії в Західній Русі. — В кн.: Фільольогічний збірник пам'яті К. Михальчука. Київ, 1915; Резюме итогового доклада о Виленском сборнике, сделанного В. Н. Перетцем в 1915 г., см.: Богословские труды. М., 1975, т. 14, с. 206—207; Евсев И. Е. Кн. пророка Даниила в переводе жидовствующих по рукописи XVI века. — ЧОИДР, 1902, кн. 3 (здесь также опубликованы отрывки из книг: Есфирь, Притчей, Плача Иеремии); Altbauer M. Ze studiów. . .

²⁶ На это обращено внимание в работах И. Е. Евсева и М. Альтбауэра.

еврейскому оригиналу и переведен сборник древнееврейских гимнов.²⁷ Едва ли можно согласиться с вынесением этого материала за рамки рецензируемой книги на том основании, что в языке этих переводов сильна струя живой западнорусской речи того времени. Понятие России в исторической перспективе не совпадает, разумеется, с границами современного расселения великорусской нации. Подобным же образом, в противоположность к хорошо аргументированным взглядам на язык Библии Франциска Скорины как на язык церковнославянский с элементами живой западнорусской речи,²⁸ М. И. Рижский выносит краткое упоминание об этом переводе в раздел «Переводы Библии на русский язык» (с. 125).

В следующем разделе автор обращается к деятельности Максима Грека, посвятившего много трудов переводу и толкованию Псалтири, и к началу книгопечатания в Москве (с. 65—85). В изложении истории Острожской Библии 1580/81 г. (с. 85—93), на наш взгляд, нет достаточной точности в характеристике отдельных текстов, вновь переведенных с греческого вместо переводов с латыни, включенных в Геннадиевскую Библию. Содержательный обзор особенностей этих текстов содержит труд А. В. Горского и К. И. Невоструева «Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотек» (т. I. М., 1855), который используется в рецензируемой книге, однако для характеристики Острожской Библии автор обращается почему-то к устаревшим сведениям Евгения Болховитинова (с. 97). Несомненно, в основу Острожской Библии был положен текст Геннадиевской Библии, однако издатели пользовались и другими славянскими списками, а также греческими списками и изданиями.

На с. 99—112 речь идет о Московском Первопечатном Библии, представляющей собою перепечатку с Острожского издания, а также о деятельности справщика и переводчика Нового завета Епифания Славинецкого. Буквализм при переводе Библийских текстов нашел в деятельности Епифания свое высшее выражение: так, греческий глагол *σπάρβω* — «распять» он переводит *укрестовати* и т. п.²⁹ Здесь необходимо было бы также упомянуть об учрежденной в 1678 г. новой комиссии по исправлению Св. писания, куда вошли Сильвестр Медведев, перомонах Никифор II, вероятно, инок Евфимий и Кирион Истоми. Эта комиссия продолжила труд Епифания и занялась правкой Апостола.³⁰ Наконец, в XVII в. были осуществлены новые переводы некоторых Библийских текстов с латыни — это толкования Григория Двоеслова на Песнь песней и книгу Иова (в списках 1672 и 1690 гг.).³¹ По поводу участвовавших в это время обращений к Вульгате чудовский инок Евфимий выступил с горячей защитой Септуагинты.³²

Далее, в разделе «Петровско-Елизаветинская Библия 1751 г.» (с. 113—123) излагается история длительной sprawy церковнославянского текста, начатой в 1712 г. и завершившейся изданием 1751 г. Характеризуя это издание, И. Е. Евсеев писал, что оно «поражает разнообразием оттенков языка: как и в содержании, в языке этой Библии вы найдете самую разнообразную по происхождению и достоинствам амальгаму. . . . Общий наклон исправителей, несомненно, был в сторону русских особенностей».³³ Евсеев отмечал, что в основе работы елизаветинских справщиков, как и всего XVIII в., лежал принцип смысловый или текстуральной конъектуры: из вариантов чтений они выбирали то, ко-

²⁷ Горский А. В. О славянском переводе Пятикнижия Моисея, исправленном в XV веке по еврейскому тексту. — В кн.: Прибавления к творениям св. отцов. М., 1860, т. 19; Сперанский М. Н. Псалтирь жидовствующая в переводе Федора Еврея. М., 1907.

²⁸ См. рецензию А. И. Соболевского на книгу Владимирова (ЖМНП, 1888, № 10); Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы, т. I. Мінск, 1962, с. 113—157. Гезен А. История славянского перевода символов веры. СПб., 1884, с. 127—128.

²⁹ См.: Румянцев В. Е. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. М., 1872, вып. 1. — В приложении опубликованы материалы sprawy всего Апостола перед изданием 1679 г.

³¹ Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в Киеве, вып. 3. Библиотека Киево-Софийского собора. М., 1901, № 132, 146, 144.

³² Смендовский М. Вопрос об исправлении славянского перевода Библии во второй половине XVII века. — Церковные ведомости, 1900, № 28, прибавление, с. 1103—1109.

³³ Евсеев И. Е. История славянской Библии после Епифания Славинецкого: Материалы по изучению. — Архив АН СССР, ф. 109, оп. 1, № 6, л. 6.

торое казалось более удовлетворительным в смысловом отношении. Вообще же для характеристики Елизаветинской Библии 1751 г. особую ценность имеет неиспользованная М. И. Рижским работа Ф. Е. Елеонского «По поводу 150-летия Елизаветинской Библии. О новом пересмотре славянского перевода Библии» (СПб., 1902), где описан весь ход работы, охарактеризованы источники, которыми пользовались исправители, и конечные результаты их труда.

Вторая часть работы М. И. Рижского озаглавлена «Переводы Библии на русский язык» и открывается разделом о ранних, до XIX в., переводах (с. 124—130). Здесь упомянуты западнорусские издания XVI в. Франциска Скорины, Валентина Негалевского и Василия Тяпшинского, а также рукописное Пересопницкое евангелие, причем не упомянуто, что Пересопницкая рукопись и издание Тяпшинского содержат один и тот же текст. Довольно подробную характеристику получил здесь перевод Псалтири переводчика Посольского приказа Авраама Фирсова (1683 г.). Следующие разделы — «Переводы и издания Российского библейского общества» (с. 130—139), «Переводы Г. П. Павского и Марка Глухарева» (с. 140—155) и «Русский синодальный перевод Библии 1876 г.» (с. 155—170) — излагают по исследованиям, главным образом И. А. Чистовича, длительную историю возникновения русского текста Библии, в выработке которого участвовали научные силы четырех духовных академий России, а редактуру осуществил московский митрополит Филарет (Дроздов). Главной особенностью этого перевода явилось то, что в противоречии с многовековой славянской традицией Ветхий завет был переведен не с греческого, а с древнееврейского оригинала. При довольно значительном расхождении древнегреческого и древнееврейского текстов, что не могло не отразиться в русском переводе, русская православная церковь оказалась, по замечанию М. И. Рижского, парадоксальным образом обладательницей сразу двух вариантов Св. писания. Впрочем, если церковнославянский вариант в переводе с греческого обладает освященной веками традицией церковно-литургического употребления, то русский текст был предназначен, по намерениям Синода, для «домашнего назидательного чтения». Однако развитие богословско-догматического изучения Св. писания невольно связалось именно с русским текстом по причине неудобопонятности церковнославянского текста.

Вероятно, выбор древнееврейского текста в качестве оригинала отражал характерную для XVIII—XIX вв. веру в *veritas hebraica*, возникшую в результате разочарования греческой библейской текстологии в возможностях установления первоначального текста Септуагинты на фоне колоссального разнообразия чтений дошедших списков и поразительной стабильности масоретской традиции древнееврейского текста. Кумранские находки последних десятилетий вновь подтвердили приоритет Септуагинты, так как обнаружилось, что тексты, датируемые приблизительно границей двух эр, подтверждают основную массу греческих текстовых вариантов и показывают, что масоретская традиция закрепила одну из линий позднего развития текста.

По всей вероятности, в этих разделах следовало бы упомянуть такие явления русской культурной жизни XIX в., как переводы Евангелия, выполненные В. И. Жуковским, Л. Н. Толстым и К. П. Победоносцевым.

Последний раздел этой части (с. 171—195) излагает историю деятельности Библейской комиссии, основанной в 1915 г. и с 1918 по 1927 г. состоявшей при АН СССР. Завершающие страницы книги посвящены анализу взглядов современных православных богословов на проблемы создания нового русского текста Св. писания. Автор показывает, что при обсуждении этих вопросов преобладают довольно схоластические дискуссии, далекие от выработки какой-либо основательной позиции и практического подхода к проблемам установления оригинала, с которого должен осуществляться перевод.

Заканчивая обзор книги М. И. Рижского, нужно сказать, что если исторические обстоятельства отдельных этапов перевода Библии на церковнославянский и русский языки изложены достаточно полно, то филологический анализ переводов далек от полноты как в отношении привлеченных источников и научной литературы о них, так и в отношении оценки достоинств или недостатков того или иного перевода. Неполнота книги в указанном отношении отражает, очевидно, неполноту научной традиции, явный недостаток внимания, уделяе-

мого этой сложной филологической проблеме. Книга не представляет собою итога частных разысканий автора, это опыт обобщения уже имеющихся в науке результатов, но опыт далеко не полный. Можно ожидать, что появление рецензируемой работы — несмотря на указанную неполноту или, напротив, благодаря ей — стимулирует дальнейшие исследования и обзоры в этой области славянской культуры и письменности.

А. А. Алексеев.

Житие и мученичество святого мученика Костанти грузина, который был замучен царем вавилонян Джафаром. Перевод с древнегрузинского, исследование и комментарий Н. З. Вачнадзе и К. К. Кудия. Тбилиси, 1978. 136 с.

Агиографические сочинения уже давно оценены исследователями как незаменимый материал, дающий яркие и конкретные факты истории, не освещенные другими источниками. У грузинских специалистов, литературоведов и историков, начиная с К. С. Кекелидзе, накоплен значительный опыт по изданию и интерпретации житийных памятников раннесредневековой литературы. Недавно одним из авторов рецензируемой книги — Н. З. Вачнадзе — была издана монография «Житие Серапиона Зарзмели» как исторический источник, основное содержание которой составляет анализ политической и социальной истории Самцхе, области Грузии, малоизвестной по другим источникам.

Рецензируемая книга содержит надежный критический текст «Жития Костанти грузина», основанный на всех восьми сохранившихся рукописях (был издан впервые сотрудниками Института рукописей им. акад. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР в 1964 г.), перевод его на русский язык, краткий очерк истории памятника и его анализ, включающий характеристику рукописей, а также историко-филологический комментарий и указатели.

«Житие Костанти грузина» — памятник анонимного автора IX в. Это было время, когда продолжительное господство арабов в Закавказье стало ослабевать под ударами народно-освободительных выступлений, и, желая удержать свои позиции в этом районе, халифы подвергли его население жестоким репрессиям. В середине IX в. халиф ал-Мутаваккил организовал карательную экспедицию под руководством военачальника Буга. О событиях, связанных с этой экспедицией, и повествует «Житие Костанти грузина».

Полное название этого памятника «Житие и мученичество святого мученика Костанти грузина, который был замучен царем вавилонян Джафаром». Типологически это скорее мученичество, чем житие. Здесь нет мотива рождения в богатой и знатной семье вымоленного у бога ребенка; нет описания детства героя, когда он, пренебрегая детскими играми, предается учению; нет и отказа от имущества и состояния. Все эти и другие моменты были бы обязательны в традиционных житиях византийского типа. И, напротив, в грузинском сочинении имеются те основные элементы, которые составляли каноническую схему агиографов-мученичеств: предъявляемые христианину требования отказаться от своих убеждений, его несогласие с этим, арест, допрос, истязание и смерть усечением головы. Называя свое сочинение житием и мученичеством одновременно, автор уже в самом названии отразил характерные черты того исторического периода, о котором он повествовал.

Если византийские мученичествы возникали в процессе становления христианства и служили утверждению превосходства христианских идей над языческими представлениями, а жития начали появляться позднее, когда христианство прочно заняло свои позиции и образ мученика за идею сменился образом подвижника, то «Житие Костанти грузина» объединяет в себе черты того и другого. С одной стороны, герой его был подвижник, украшенный «деяниями с обеих сторон, как дерево листьями и плодами», а с другой — он в глубокой старости, «когда началось великое гонение на христиан во всей стране Картли», явил миру чудеса мученичества и отваги.

Дело здесь в том, что создание автором такого сочинения смешанного типа не носило характера искусственного построения, а было отражением истори-